

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-720-725>

Рецензия / Book Review

**Мир историка: историографический сборник / редкол.:
В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас
и др. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. 512 с.**

А.В. Сидоров (рецензент)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
119192, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4; sidorov@spa.msu.ru

Korzun, V.P., Bychkov, S.P., and Alevras, N.N., eds., *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The world of the historian: a historiographic collection]. Issue 12. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2019. 512 p.

Alexander V. Sidorov (reviewer)

Lomonosov Moscow State University;
27 Lomonosovskiy Ave., bldg. 4, Moscow, 119192, Russia; sidorov@spa.msu.ru

Историография за постсоветский период пережила наиболее разительные изменения среди всех отраслей исторической науки. Старшие поколения российских историков помнят времена, когда образцом историографического исследования признавались книги, более напоминающие расширенные библиографии, чем исследования закономерностей исторического знания. Достаточно назвать хотя бы периодически выпускавшиеся сборники, посвященные результатам развития советской исторической науки за период от одного партийного съезда к другому. Крушение советской системы сделало наиболее актуальными в историографических исследованиях проблемы взаимосвязи науки и политики. На исходе XX века резко возросло количество работ, представлявших результаты осмысления влияния советской идеологической системы на развитие исторической науки. Однако внимание исключительно к политическо-идеологическому фактору в развитии науки привело не только к принижению значения научных исследований прошлого, но и к искажению внутренних механизмов развития исторического знания.

XXI век стал временем распространения многофакторного анализа развития исторической науки. Внимание исследователей начали привлекать самые различные аспекты научных представлений о прошлом, при этом акцент все более перемещается на личность историка как творца этих представлений. В центре

© Сидоров А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

внимания – изучение научной повседневности и коммуникационных полей, локального исследовательского сообщества и семейных связей, гендерные и генерационные аспекты, культурные практики и исследовательские научные школы. Тем самым историография из науки об изучении результатов исторических исследований превратилась в науку о механизмах получения, бытования и транслирования исторического знания. Значительное расширение предметного поля историографии потребовало от исследователей новых методов и методик историографического исследования.

Этот переворот в историографии с полным правом можно назвать научной революцией. Как и всякая победившая революция, историографическая революция приводит к тому, что на первый план выдвигаются научные коллективы, оказавшиеся не только открытыми новым веяниям, но активно воплощающие их в своей научной работе. К числу последних следует отнести кафедру современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, которая под руководством доктора исторических наук, профессора В.П. Корзун с 2005 г. регулярно выпускает историографические сборники «Мир историка», хорошо знакомые профессиональным историографам. В 2019 г. опубликован уже 12-й выпуск этого издания. Его публикация приурочена к юбилеям известных историков – профессоров Омского университета В.П. Корзун, В.Г. Рыженко и А.П. Толочко. Но, как отмечают сами издатели, им не хотелось превращать этот выпуск в «простой *Festschrift*». А потому основное внимание уделяется актуальным для российского научного сообщества проблемам гетерогенности исторической науки, которая выступает для авторов сборника как «некое сложное поле взаимодействия (взаимовлияния и борьбы) различных акторов с постоянно переконструируемыми в ходе этого взаимодействия дискурсами и ресурсами, с мейнстримом и периферией, мифами и подпольем» (С. 6).

Эта постановка проблемы выводит авторов сборника на вопросы развития региональных историографических исследований и школ, взаимодействие «центра» и «периферии» в исторической науке. Редколлегия сборника намеренно предельно заостряет эту проблему: «Имеет ли шансы локальная историографическая школа развиваться как самостоятельное явление в контексте отечественной науки, или лучшие ее представители неизбежно будут инкорпорированы в столичные круги, а остальные завязнут в воспроизведении однажды достигнутого?» (С. 6). Представляется, что сама постановка вопроса ведет к смешению двух взаимосвязанных, но разных понятий. С одной стороны, чисто «географический» аспект, игравший решающую роль в предшествовавшие годы, когда удаленность от центральных библиотек и архивов, активной столичной научной жизни оказывала определяющее влияние на характер научной работы исследователя. В современном мире с бурно развивающимися электронными технологиями подобная оторванность от научного процесса уходит в прошлое. Современный исследователь, не покидая свой родной город, получает возможность не только следить за развитием исследований по своей проблематике во всем мире, но и активно участвовать в обсуждении научных проблем. Однако все это в то же время может сделать глубоким «провинциалом» и столичного исследователя. И это второй аспект по-

ставленной редколлекцией сборника проблемы. Граница между «центром» и «провинцией» теперь не географическая. Она делит научное сообщество по способности проводить инновационные исследования, определяя перспективы развития науки в целом. «Воспроизведение достигнутого», как мягко выразились редакторы сборника, и есть та «периферия» науки, локализация которой не связана с географическим фактором.

Но вернемся к сборнику «Мир историка». Подготовленный и изданный в Омском университете, он объединяет исследователей Москвы и Санкт-Петербурга, Урала и Поволжья, Сибири и Карелии, других регионов России, а также Болгарии. Уже из этого факта становится понятно, что сборник является отнюдь не региональным. Об этом же свидетельствует представительство ведущих научных центров страны – Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Архива РАН, НИУ «Высшая школа экономики», Института истории Сибирского отделения РАН, Казанского, Южного, Нижегородского, Челябинского и других государственных университетов. Это дает основание говорить не о «географической локализации», а о локализации научного пространства, превращающего кафедру Омского университета в ведущий центр историографических исследований страны.

Расширение историографического исследовательского поля приводит к постановке и решению таких трансдисциплинарных проблем, как, например, особенности генерационной трансляции интеллектуального наследия внутри одной семьи. В качестве объекта исследования в статье Н.Н. Алеврас выступают взаимоотношения отца и сына – А.С. и И.А. Лаппо-Данилевских. Опираясь на материалы монографического исследования В.П. Корзун «Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские» (СПб.: Алетейя, 2011), автор статьи анализирует механизмы передачи «профессорской культуры» между представителями разных научных областей – отец-историк и сын-математик, выделяя особенности семейной коммуникации и передачи традиций интеллектуальной жизни.

Еще одним трансляционным институтом выступает высшая школа, обеспечивающая подготовку нового поколения научных исследователей. В сборнике этим вопросам посвящена статья Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной, в которой рассматриваются административный контроль и управление временем студентов и преподавателей университетов в первой половине XIX века. Большой интерес представляют данные о педагогической нагрузке профессуры в этот период. Например, в Московском университете профессор истории С.П. Шевырев в середине 1850-х гг. еженедельно имел 8 часов лекций, 6 часов преподавал «гимназические учебные предметы в зале Педагогического института и у себя на дому» и руководил практическими занятиями студентов (С. 95). По университетскому уставу 1863 г. ответственность за распределение нагрузки преподавателей передавалась от министерства советам университетов.

Особое внимание в сборнике уделено проблемам вклада «региональных» ученых в развитие исторической науки. Большой интерес представляет статья Л.П. Репиной, посвященная эволюции местной исторической памяти на примере английского историописания. Анализируя структурализацию локальной истории в кон-

тексте трансдисциплинарных исследований (переход от «истории графств» к «новой региональной истории»), Л.П. Репина характеризует действие механизмов формирования социальной и региональной идентичности в сфере истории. Автор статьи отмечает, что «в научных программах локальной и региональной истории (в том числе в case studies) превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии, выступающей в единстве своих социальных и когнитивных функций» (С. 222).

В этой связи большой интерес вызывают представленные в сборнике результаты осмысления деятельности ведущих отечественных ученых, творчество которых развивалось в регионах России. Исследованию научной деятельности работавшего в Ростове-на-Дону А.П. Пронштейна посвящена статья А.В. Лубского. Автор отмечает, что в изучении развития источниковедения А.П. Пронштейн «постоянно ориентировался на современный его образ в качестве идеала источниковедческой деятельности, поэтому наибольшее внимание исследователя привлекли как раз те источниковедческие идеи, которые вписывались в этот идеал как его предшественницы» (С. 154). Анализ истории отечественного источниковедения приводит А.В. Лубского к выводу об условности и относительности того или иного способа трактовки современных источниковедческих проблем, «претендующего на то, чтобы быть универсальным и поэтому единственно правильным» (С. 164).

Проблеме формирования и репрезентации стереотипов представлений о провинциальном ученом посвящена статья А.А. Кузнецова. В ней анализируется сложившийся в науке образ (который автор статьи определяет как «миф») историка и деятеля нижегородского высшего образования С.И. Архангельского (1882–1958). Понимая под биографическим мифом «“сборку” исключительно положительных черт и качеств», автор статьи пытается проанализировать сложившийся миф об основателе историко-филологического факультета Нижегородского (Горьковского) государственного университета, раскрыть механизм его формирования (чему особо способствовали ученики С.И. Архангельского) и дальнейшего бытования. Разбирая основные элементы этого представления, А.А. Кузнецов пытается найти объяснения сложившегося представления о тех или иных личных качествах С.И. Архангельского. Например, его доброжелательность, ровность и сдержанность в отношении с людьми А.А. Кузнецов расценивает как «средство спасения от любых конфликтов», которыми была богата биография ученого. Автор приходит к заключению, что «миф играет тормозящую и искажающую исследовательское зрение роль», тогда как рассмотрение в динамике биографии и научного творчества С.И. Архангельского с учетом всех жизненных, повседневных обстоятельств «только усиливает впечатление о масштабности и величии им сделанного» (С. 128).

Проблемам соотношения развития отечественной и зарубежной историографии посвящена статья Г.П. Мягкова и Л.А. Сыченковой, в которой на примере анализа русской медиевистической культурологии дано осмысление проблем актуализации опыта отечественного научного наследия. Отмечая расхождение в научной литературе утверждения о периферийности российских исследований в этой области (С. 180, 182), авторы статьи на основе анализа творческой лаборатории П.М. Биццли и И.И. Иоффе приходят к выводу, что их процедуры исследования «предвосхити-

ли “иконологический” метод западных ученых. Поиски российских искусствоведов и медиевистов в области междисциплинарной методологии культурологического знания вполне сопоставимы с иконологическим методом Аби Варбурга, идеи которого в свою очередь получили развитие в трудах его более молодого современника и единомышленника Э. Панофского» (С. 201–202). Причины сложившегося положения в науке авторы видят в том, что «мало делается для популяризации и пропаганды отечественного историко-культурного наследия за рубежом. Для этого нужны переводы русских авторов и значительные средства» (С. 203–204). Сам по себе этот вывод достаточно тривиален и не в полной мере учитывает сложность и противоречивость процессов развития мировой научной мысли.

Особенностью современного этапа исторического знания является тенденция к антропологизации историографии, которая предполагает повышенный интерес к ремеслу историка и его личности. Содержанию антропологического подхода и связанных с ним эпистемологических поискам в историографии посвящена статья З.А. Черканцевой. Автор статьи не сводит этот подход к простому сближению истории и антропологии, переносу на почву историографии антропологических методов. Вслед за К. Вульфом она считает необходимым «связать тематически и методически различные антропологические перспективы, учитывая их историчность и культурность» (Вульф К. *Антропология: История, культура, философия*. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 88). «Не удивительно, – пишет З.А. Черканцева, – что традиционно мыслящие историки... продолжают работать в контексте этажности исторических планов (экономика, социум, политика, культура), где культура далеко не самое интересное. На этом фоне понимание предметной области истории историографии как истории исторической культуры, утвердившееся в отечественной науке, предстает настоящим прорывом на пути к обновлению представлений о мире прошлого и настоящего» (С. 253).

Этот антропологический прорыв проявляется в том числе в публикации все большего числа работ, имеющих трансдисциплинарный характер. В рецензируемом сборнике в этой связи следует отметить статью Л.А. Сидоровой, посвященную поэтическому творчеству Н.И. Кареева, и работу М.А. Мамонтовой, использующей, казалось бы, чисто социологические методы для характеристики взаимоотношений региональной власти и сообщества историков.

Доминирование антропологического подхода предопределяет проблематику второго раздела сборника: привлечение эго-документов в современном историографическом исследовании. Статья Н.П. Матхановой посвящена возможностям использования эпистолярно-мемуарного наследия историков как исторического источника для воссоздания их биографий. В статье О.В. Метель рассматривается проблема ограничений, накладываемых источниками личного происхождения, для изучения институциональной истории советской исторической науки в 1920–1930-е годы. Эпистолярным наследиям Г.П. Федотова и М.А. Коростовцева посвящены исследования А.В. Антощенко и С.Б. Криха.

Богат сборник и публикацией документальных материалов, большая часть которых связана с эпистолярным наследием: публикуются письма Г.П. Федотова, В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Авдиева, С.И. Архангельского, А.П. Мещерского,

А.В. Флоровского. Большой интерес для историографа представляет опубликованная рукопись Е.Ф. Максимовича «Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», рецензия Н.М. Никольского на монографию Р.Ю. Виппера, интервью с Е.А. Чиглинцевым и Г.П. Мягковым об историке античности А.С. Шофмане.

Конечно, некоторые выводы статей представленного сборника носят дискуссионный характер и вызовут возражения у специалистов по тем или иным проблемам. Но в целом сборник дает достаточно точное представление о состоянии современной историографии, а совокупность выпусков «Мира историков» отражает многие ключевые черты развития отечественной историографии первых двух десятилетий XXI века.

Рукопись поступила: 17 апреля 2019 г.

Submitted: 17 April 2019

Информация об авторе / Information about the author

Сидоров Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Alexander V. Sidorov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head at the Department of History of State and Municipal Administration of Lomonosov Moscow State University.